

KRZYSZTOF BALABAN

Uniwersytet Wrocławski, Polska
krzysztofbalaban@o2.pl

Категория памяти в *Жизни Арсеньева* Ивана Бунина

Память — это понятие, которое не только связано с прошлым и категорией времени, но это также общая категория, определяющая то, что остается от прошлого, своеобразная «база данных» прошлого опыта и информации, составляющая часть текстообразующего механизма, которая определяет настоящее состояние культуры¹. В литературоведческом понимании категория памяти несет в себе сюжетообразующее и ценностные элементы. М. Бахтин в ряде своих работ показывает, что «память есть подход с точки зрения ценностной завершенности, в известном смысле память безнадежна, но зато только она умеет ценить помимо цели и смысла уже законченную, сплошь наличную жизнь»².

В одной из своих работ А.В. Трофименко³ отмечает, что изучение категории памяти в литературоведении ориентирует не только на исследование непосредственной роли влияния текстов и художественных направлений на то или иное произведение, но предполагает также осмысление целого ряда философско-эстетических составляющих, которые ведут к многогранному постижению содержательных элементов этой категории. А.В. Трофименко подчёркивает, что исследование категории памяти как составляющей части сознания писателя-творца позволяет сделать вывод о том, что память, стирая границы между реальным миром и миром вымышленным, образует единое целое, где прошлое переплетается с настоящим

---

¹ Ю. Лотман, *Память в культурологическом освещении*, [в:] его же, *Избранные статьи*, т. 1, Таллин 1992, с. 200–202.

² М. Бахтин, *Смысловое целое героя*, [в:] его же, *Эстетика словесного творчества*, Москва 1979, с. 97.

³ А. Трофименко, *Категория художественной памяти в философской ретроспективе*, „Науковий вісник Ізмаїльського державного університету”, т. 24, 2008.

и будущим, где теряет актуальность противостояние *там* и *здесь*. При этом в качестве своеобразного связующего звена между этими мирами выступает творчество⁴.

В данной работе производится попытка рассмотрения различных аспектов категории памяти в контексте литературоведческого понимания этого понятия в романе И.А. Бунина *Жизнь Арсеньева*.

Категория памяти становится существенной гранью творчества одного из писателей первой волны эмиграции, ассоциируясь с темой детства, юности, воспринимаемой И.А. Буниным в качестве противовеса испытаниям современности и тяготам жизни в эмиграции. Иван Алексеевич Бунин покинул Россию в конце января 1920 г., когда находился в зените славы. Роман *Жизнь Арсеньева* был написан писателем на чужбине. Некоторые ученые считают, что это один из самых искренних рассказов о человеческой Душе, её поисках, о Боге, жизни и о её смысле. Русский поэт и критик В.Ф. Ходасевич⁵ заметил, что основой описания жизни Арсеньева являются события и переживания писателя, и что они сильно влияют на жизнь главного героя. Автобиографическая основа романа прослеживается исследователями в частях произведения, описывающих детство и юность героя⁶, в которых автор показывает истоки своих впечатлений, а также дает лирическое освещение событий⁷, благодаря чему книга о мрачных временах становится соединением эпических картин с лирическими эпизодами. Ф.А. Степун увидел в романе «картины России», воссозданные со «стереоскопической рельефностью». И.А. Бунин, считал он, достиг в них «такой типичности описания, которая дает уже не только внешний образ явления, но как бы анализ его»⁸. Позже Ф.А. Степун определял *Жизнь Арсеньева* как «отчасти философскую поэму, а отчасти симфоническую картину»⁹. В произведении, считал он, произошло органичное слияние тематических планов, каждый из которых мог составить предмет масштабного произведения, и различных по окраске эмоциональных аккордов. Тематика романа включает *природный, социальный, исторический* и *метафизический* аспекты¹⁰.

Роман состоит из пяти книг. В них воссоздаётся жизнь поколения, родившегося «полвека тому назад». Лирическая основа повествования обусловливает возможность свободно оперировать временными пластами внутри хроникального сюжета, прервав его ход в конце четвёртой книги и вернувшись к нему в пятой, когда герою приходится стать таким, «как все»,

⁴ Там же, с. 81.

⁵ L.V. Grzeniewski, *Iwan Bunin*, Warszawa 1982, с. 69.

⁶ Там же, с. 20.

⁷ Т. Буслакова, *Литература русского зарубежья: Курс лекций*, Москва 2005, с. 32–33.

⁸ Там же, с. 33.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же.

и взглянуть на происходящее глазами взрослого. В первых четырёх частях рассказчик передает детские и юношеские впечатления. Россия прошлого рисуется не только благодаря воспоминаниям и свидетельствам очевидцев, но также представлена глазами ребёнка, не фиксирующего, а открывающего для себя явления действительности. Помимо этого, важна и художественная натура героя, с детства обладавшего «повышенной впечатлительностью». На протяжении романа формируется личность писателя, и для того, чтобы это показать, использованы автобиографические черты¹¹. Целый ряд фактов и событий из жизни главного героя романа полностью соответствует истории жизни И.А. Бунина и подтверждаются краткими упоминаниями о них¹². Вся жизнь Арсеньева — это сложный процесс формирования сознания. Писатель показывает психологический портрет героя, его любовь к Лике, а также картину России того времени¹³.

Присутствие в творчестве И.А. Бунина темы памяти в том именно ракурсе, который существенен для нашего исследования, было отмечено ещё Ф. Степуном, которого И.А. Бунин считал «своим лучшим читателем и критиком»¹⁴. Вышеупомянутый литературовед писал:

Восторг и печаль, вернее, восторг печали, что сильнее страха смерти — какой это характерный бунинский мотив — быть может, корень его религиозного восприятия трагедии жизни и мира. Глубина религиозного сознания (об этом согласно свидетельствуют величайшие мистики всех эпох) всегда связана с предельным углублением памяти. Помня прошлое, внутренне зная тайну *вечной памяти*, нельзя не верить в вечность. [...] А что же может быть вечным, кроме Бога? Ничто с такою силою не свидетельствует о подлинной религиозности бунинской музыки, как ее связанность с памятью¹⁵.

Эти слова, написанные Ф. Степуном, сохранились в архиве И.А. Бунина. Курсивом выделены слова, подчеркнутые его рукой и, стало быть, являющиеся для него особенно важными.

Приведённую здесь характеристику бунинского творчества Ф. Степун развивал и в статье *Иван Бунин*:

Тема памяти одна из самых глубоких тем мистической и религиозной литературы. Её столь важная для проникновения в сущность искусства постановка невозможна без строгого разграничения памяти и воспоминаний. [...] Сущность памяти проявляется в спасении образов жизни от власти времени. Не сбережённое памятью прошлое проходит во времени, сбереженное обретает вечную жизнь. В отличие от воспоминаний, всегда стремящихся «вернуть невозвратное», память никогда не спорит со временем, потому что она над ним властвует.

Для неё, в последней её глубине, не важно, умирает ли нечто во времени или нет, потому что в ней всё восстает из мертвых. Возвышаясь над временем, она естественно возвышается

¹¹ Там же, с. 33–34.

¹² А. Волков, *Проза Ивана Бунина*, Москва 1969, с. 373.

¹³ Там же, с. 377.

¹⁴ Ф.А. Степун, *Иван Бунин*, [в:] его же, *Встречи*, Москва 1998, с. 8.

¹⁵ Цит. по: Б. Аверин, *Дар Мнемозины*, Санкт-Петербург 2003, с. 177.

и над всеми измерениями его, над прошлым, настоящим и будущим, почему в ней и легко совмещаются несовместимые во времени явления. Память — это тишина и мир¹⁶.

Различение, и даже противопоставление, памяти и воспоминания в некотором отношении весьма существенно. Дифференциация здесь может быть даже и более сложной. Но антитеза, предложенная учёным, кажется нам не вполне удовлетворительной. Воодушевляющая его власть памяти над временем изымает память из времени, тем самым лишая память процессуальности.

Процессуальность оставлена на долю воспоминания, невысоко ценимого Ф. Степуном, — память же истолкована как нечто пребывающее. Такого рода трактовка памяти легко соскальзывает в отождествление её с теми неподвижными формами сохранения прошлого, которые Набоков воспринимал как покрытые «мёртвым лоском»¹⁷. У самого Ф. Степуна благодаря религиозному пониманию памяти этого отождествления не происходит. Но опасность его слишком велика, и потому мы не будем пользоваться таким различием. С нашей точки зрения, продуктивнее отождествлять память с воспоминанием, подчёркивая, что не только воспоминание, но и память может быть процессом, становлением, духовной активностью.

Особого внимания требует книга Ю. Мальцева об И.А. Бунине. Книга открывается главой *Прапамять*.

Память — по Бунину — (и ее более загадочная разновидность — *прапамять*) есть та невещественная, духовная, психологическая и одновременно вещественная, биологическая связь со столь же таинственными духовно-вещественными основами бытия. [...] Память [...] есть некий эквивалент (или прообраз) вечности, бесконечности и всеединства. Она есть особый инстинкт, так сказать, — *инстинкт духовный*¹⁸.

Вслед за Ф. Степуном Ю. Мальцев противопоставляет память воспоминанию, но противопоставляет более резко, внося в трактовку памяти смысл, прямо противоположный тому, который утверждается в настоящей работе:

Память [...] — это застывшее, увековеченное и неподвижное бытие, это — вечное настоящее. Только закреплённое памятью прошлое, то есть уже преображённое и перешедшее в иную форму бытия, составляет предмет высокого искусства¹⁹.

Показательно, что в главе, посвящённой *Жизни Арсеньева*, Ю. Мальцев отходит от этого резкого противопоставления и говорит не только о памяти, но также о воспоминании²⁰.

Тема памяти более или менее развернуто звучит и в других исследованиях, посвящённых *Жизни Арсеньева*. Так, И.Д. Альберт считает, что

¹⁶ Ф.А. Степун, указ раб., с. 98–99.

¹⁷ И.А. Бунин, *Собрание сочинений в 6-ти т.*, Москва 1994, т. 4, с. 214. Далее ссылки на это издание даются в тексте с указанием в скобках тома и страницы.

¹⁸ Ю. Мальцев, *Иван Бунин: 1870–1953*, Москва 1994, с. 10–11.

¹⁹ Там же, с. 12.

²⁰ Там же, с. 306.

в системе эстетических, философских и этических воззрений И.А. Бунина проблема памяти служит «всепроникающим и цементирующим началом». Обостренный интерес к проблеме памяти в начале столетия Альберт связывает с актуализацией проблемы времени. Он подчеркивает, что И.А. Бунина в первую очередь интересует коллективная человеческая память, память поколений. Она обеспечивает чувство связи человека со вселенной, властвует над людьми, а для художника является побудительным стимулом к творчеству²¹. А.А. Ачатов говорит об «атавистической памяти», которая обеспечивает художнику чувство «всеединого», «всебытия»²².

Стремление к единству особым образом прослеживается в противопоставлении описаний русского пейзажа мотивам путешествий, которые экспонируют пространственные размеры родины, что является характерным элементом эмиграционной литературы. Стремление к единству многократно появляется также в романе И.А. Бунина *Жизнь Арсеньева*. Применённая здесь конвенция изложения *жизненного путешествия* героя создаёт возможность всестороннего обозрения мира. Молодой герой преодолевает значительные расстояния с помощью различных видов транспорта, он рассказывает о монотонных пейзажах или об одинаковых дорогах, пересекающих бескрайние поля, однако описания обычно сопровождается комментарием, напр.: «В пути после того все казалось мне трогательно...» (V, 168) или «Было почему-то так знакомо, близко, родственно» (V, 151).

Огромная Россия символизирует здесь силу и свободу. Арсеньев в своих воспоминаниях не приукрашивает действительность: маленькие станции на пустыре, бедные гостиницы и серые железнодорожные вокзалы описаны с фотографической четкостью. Однако они составляют интегральную часть мира героя и как таковые — красивые, свои. Такой подход проявляется также в образе нищей деревни, полузаброшенных дворянских усадеб, темной отсталой Руси, мотиве путешествия по разным странам мира, смерти, роковой страсти и любви.

Прозу И.А. Бунина эмиграционных лет характеризует большая точность и одновременно экономия в отборе средств выражения, в то же время тонкая и осязаемая образность, психологическая проницательность, умелое оперирование категориями времени и пространства, разнородность повествовательных перспектив. Писатель показывает человека снаружи с огромной силой выражения, а также с необычайной точностью передаёт внешние проявления его инстинктов²³. Эти доминанты творчества И.А. Бунина

²¹ И. Альберт, *Проблема памяти в системе этико-философских и эстетических взглядов И. Бунина*, «Вопросы русской литературы», вып. 1 (41), Львов 1983, с. 113–120.

²² А. Ачатов, *Концепция личности художника в романе И. Бунина «Жизнь Арсеньева»*, «Проблемы метода и жанра. Труды Томского государственного университета им. В.В. Куйбышева», т. 252, Томск 1974, с. 66–67.

²³ Г. Струве, *Русская литература в изгнании*, Париж 1984, с. 84.

с особой силой проявились также в главном произведении писателя, своего рода *opus magnum*, которым, без сомнения, есть *Жизнь Арсеньева*. Работа над этим произведением длилась с перерывами с 1927 до 1939 года²⁴. Это книга, в которой ее главный герой, Алексей Александрович Арсеньев, вспоминает свои детские, отроческие и юношеские годы жизни, свою первую большую любовь (к Лике) как ступени своего личностного развития. В процессе воспоминания, анализируя их, он пытается понять и оценить свои собственные действия и действия людей, с которыми он сталкивается.

Название романа в связи с философской наполненностью ключевого понятия приобрело новый оттенок. *Жизнь Арсеньева*, воспроизведенная в «записях» героя, восполняла разрыв между прошлым и настоящим. Лирическая память, как луч, падавший на плоскостную схему истории, оказывалась значимым элементом для создания нового типа исторической хроники, имевшей поистине эпопейную всеохватность²⁵. Л.Г. Вязмитинова и А.Л. Цуканов замечают²⁶, что критика приняла книгу восторженно — «как прекрасный итог передуманного», в ней «спокойной и великой любовью дышат страницы, говорящие о России». Одновременно она отражает стремление писателя словом оживить и реконструировать безвозвратное прошлое. Вместе с тем рефлексии воспоминательного типа подчиняются обобщению, служат как канва для размышлений И.А. Бунина о вопросах неизменно его пленяющих: о смысле человеческой жизни, о смерти, о предназначении человека²⁷.

Это очень интимное произведение И.А. Бунина выросло из мучительного чувства потери, безвозвратного ухода старого мира в результате потрясений и историко-политических перемен. Оно является ностальгическим возвращением к годам и стране детства и молодости²⁸. Читая *Жизнь Арсеньева*, можно убедиться, что отношение к прошлому не претерпело у писателя значительных изменений. Он идеализирует прошлое и ещё нежнее стала любовь писателя к навсегда потерянным местам. И.А. Бунин пишет о России с огромной любовью — так, как может любить только тот, кто её потерял.

Жизнь Арсеньева — это произведение, реконструирующее прошлое рассказчика-героя²⁹. Реконструирована, как показывает подзаголовок, молодость героя: от младенчества до двадцати лет. Арсеньев говорит о себе:

²⁴ А. Смирнова, *Иван Бунин*, [в:] *Литература русского зарубежья (1920–1990)*, ред. А. Смирнова, Москва 1998, с. 36–37.

²⁵ Т. Буслакова, указ. раб., с. 35.

²⁶ Л. Вязмитинова, А. Цуканов, *Бунин И.А.*, [в:] *Литературная энциклопедия Русского Зарубежья: 1918–1940*, т. 1, ред. А.Н. Николокин, Москва 2002, с. 109–111.

²⁷ Там же, с. 153–154.

²⁸ К. Cieślík, *Iwan Bunin (1870–1953). Zarys twórczości*, Szczecin 1998, с. 161.

²⁹ А. Drawicz, *Literatura pierwszej emigracji*, [в:] *Historia literatury rosyjskiej XX wieku*, ред. А. Drawicz, Warszawa 1997, с. 317.

«Я родился полвека тому назад, в средней полосе России, в деревне, в отцовской усадьбе» (V, 6). Известно также, что он живёт вдалеке от родины, «в стране, заменившей мне родину» (V, 7).

В *Жизни Арсеньева* И.А. Бунин не обходит стороной и второй план произведения — его общественный фон, который создаёт красивую, подвижную панораму действительности, а по мере того как герой взрослеет, её детали становятся более отчётливыми, приближаются³⁰. Детали этой панорамы — это хутор Каменка, имение Батурино, провинциальные города:

Елец, Орёл, а позднее — Харьков, Москва, Петербург; быт и обычаи провинциального дворянства, мещанская семья Ростовцевых, редакция газеты, среда государственных учреждений, трактиры, городской парк. Из этих картин, деталей, миниатюр складывается цветная «мозаичная картина старой России, воспеваемая Буниным»³¹. Картина, которая неизменно сопровождала писателя сквозь годы изгнания, давала творческие импульсы — она разрешала смотреть в прошлое глазами памяти.

Сюжетная динамика при событийной ослабленности достигается в романе напряжённостью внутренней жизни Алёши Арсеньева, обострённостью восприятия окружающего, его особой чувствительностью и силой переживаний. И.А. Бунин находит наиболее точный, отвечающий замыслу принцип повествования: не хронология жизни героя, а процесс пробуждения памяти. Первая глава представляет собой экспозицию, предвещающую рождение воспоминаний и определяющую их формосодержательную доминанту: книга от первого лица о последнем представителе рода Арсеньевых, «происхождение коих теряется во мраке времен», книга как спасение от «беспамятства» и возрождение смысла, скрытого в символике герба, книга как хранилище памяти, как собор, устремленный «к небесному Граду»³².

В последующих главах автор запечатлел осязаемое, почти материальное пробуждение памяти: «Самое первое воспоминание моё есть нечто ничтожное, вызывающее недоумение» (V, 6); «Детство стало понемногу связывать меня с жизнью, — теперь в моей памяти уже мелькают некоторые лица, некоторые картины усадебного быта, некоторые события...» (V, 8); «Дальнейшие мои воспоминания о моих первых годах на земле более обыденны и точны, хотя все так же скудны, случайны, разрозненны...» (V, 10). С пробуждением памяти восстанавливается процесс первооткрытия окружающего мира, закреплённого в воспоминаниях: «Помню: однажды осенней ночью я почему-то проснулся и увидел лёгкий и таинственный полусвет в комнате...» (V, 12); «...Но я уже знал, что я сплю в отцовском кабинете...»; «...Я уже заметил, что на свете, помимо лета, есть еще осень, зима, весна, когда из дома можно выходить только изредка» (V, 13).

³⁰ А. Волков, указ. раб., с. 419.

³¹ О. Михайлов, *Литература русского зарубежья*, Москва 1995, с. 157.

³² А. Смирнова, указ. раб., с. 39.

Так повествователь воспроизводит процесс познания мира маленьким Алёшей Арсеньевым. «И вот я расту, познаю мир и жизнь в этом глухом, и всё же прекрасном краю...» (V, 14). Это познание начинается с освоения близлежащего пространства: двора, амбаров, конюшни, скотного двора, огородов.

Построение повествования также диктуется свойствами памяти: «Много ли таких дней помню я? Очень, очень мало, утро, которое представляется мне теперь, складывается из отрывочных, разновременных картин, мелькающих в моей памяти» (V, 19). Неоднократно повторенное «помню» становится своего рода композиционной скрепой между фрагментами воспоминаний.

Пятая, заключительная книга *Жизни Арсеньева*, печатавшаяся отдельно под собственным названием *Ли́ка*, занимает особое место в романе. Уникальность этой части романа заключается в настолько глубоком погружении автора в прошлое, что законы памяти, организующие повествование в первых книгах произведения, перестают действовать, и это прошлое в преобразованном виде предстает как новая реальность, в которой пережитая И.А. Буниным в молодости любовь к Варваре Пащенко переосмысливается и «довоплощается», частное преобразуется в общее. Лика предстает как символ женственности, как вечный образ утраченной Возлюбленной³³.

Ю. Мальцев, характеризуя жанр романа, пишет:

Жизнь Арсеньева — это не воспоминание о жизни, а воссоздание своего восприятия жизни и переживание этого восприятия... Жизнь сама по себе как таковая вне её апперцепции и переживания не существует, объект и субъект слиты неразрывно в едином контексте, поэтому я и осмеливаюсь назвать *Жизнь Арсеньева* первым русским феноменологическим романом³⁴.

По мнению И.А. Бунина, человек, в определённом смысле, не властен над своей памятью. «Ничто не определяет нас так, как род нашей памяти», — утверждает он³⁵. В этом признании высшей роли, отведенной памяти, есть косвенное указание на то, что не человек владеет своей памятью и определяет ее содержание, а, наоборот, память (врожденный тип, или род памяти, врожденная склонность души) определяет состав человеческой личности. «Мы ведь помним только то, что хочет помнить наша душа в соответствии со своими особенностями и в меру своих сил»³⁶, — сказано в рукописи *Жизни Арсеньева*. И именно память, по И.А. Бунину, может служить критерием смысла и ценности прожитой человеческой жизни. Ибо не все, что кажется важным для человека в каждый отдельный момент настоящего, окажется сохраненным памятью; она многое отбракует, а многое, казавшееся незначительным, сохранит.

³³ Там же, с. 41.

³⁴ Ю. Мальцев, указ. раб., с. 305.

³⁵ Цит. за: Б. Аверин, указ. раб., с. 182.

³⁶ Там же.

Для биографии, содержащей факты, сведения — или идеи, мировоззренческие итоги, к которым пришёл человек, — подобная выборочная работа памяти мало что даст. Но в романе-воспоминании именно такого рода её «итоги», связанные с переживанием вкуса, цвета, воздуха, перспективы, оказываются самыми главными. Более того: именно в них раскрывается метафизический аспект романа. Весьма характерно подведение жизненных итогов в конце XII главы первой части:

Я весь дрожал [...], глядя на ту дивную, переходящую в лиловую, синеву неба, которая сквозит в жаркий день против солнца в верхушках деревьев, как бы купающихся в этой синеве, — и навсегда проникся глубочайшим чувством истинно божественного смысла и значения земных и небесных красок. Подводя итоги того, что дала мне жизнь, я вижу, что это один из важнейших итогов. Эту лиловую синеву, сквозящую в ветвях и листьях, я и, умирая, вспомню... (VI, 32).

Сама форма воспоминаний обрела для И.А. Бунина особое, философско-эстетическое значение и во многом определяла поэтику его произведения. Однако писатель сознавал и опасность этой формы. Опасность заключалась в том, что в читательском восприятии установка на воспоминание могла превратить роман в произведение чисто мемуарного, автобиографического плана. В этом случае внимание читателей сосредоточится преимущественно на том, что вспоминается: на событиях, фактах личной жизни героя, картинах прошлого России. Этот пласт восприятия заслонит глубину, поэтический смысл, философский подтекст, которые скрыты в *Жизни Арсеньева*.

Построение романа в форме воспоминаний, основанных на действительных событиях и фактах, было связано с задачей, поставленной перед памятью: найти то главное, что было в жизни автобиографического героя³⁷.

В самом общем смысле строение романа определяется двумя компонентами. Первый из них — сами воспоминания. Второй — духовная работа над материалом воспоминаний. Для И.А. Бунина не столько важно высказать мысль о «преодолении времени», сколько необходимо передать ощущение, чувство того, как «время начинает таять», передать эмоциональное ощущение связи поколений или связи времен и происходящей отсюда обостренной радости жизни.

Жизнь Арсеньева — это роман-воспоминание. Предметом повествования является не детство и юность Алеши Арсеньева, а воспоминание о них.

По И.А. Бунину, память — это то, благодаря чему происходит обогащение жизненной руды и ценная порода отделяется от пустой. В *Жизни Арсеньева* вспоминает не только пятидесятилетний автор-рассказчик, но также и мальчик, а затем юноша Арсеньев. Воспоминание воспоминаний — вот особенность поэтики романа³⁸.

³⁷ Там же, с. 186.

³⁸ Ю. Мальцев, указ. раб., с. 306.

Так, в романе описывается, что в детстве Алёша мечтал стать святым, усердно молился, читал жития святых, носил вериги. Процесс рассказа переходит к юности, где юноша, представляя себе монастырь, вспоминает как он «постился, молился, хотел стать святым» и характеризует то время как «болезненно восторженное» (VI, 69). Количество подобных примеров довольно велико. Однако имеются и более сложные построения, когда вспоминается уже не одно раннее событие, а целая цепь событий, происшедших и описанных ранее.

Вереница вспоминаемых событий бесконечно удлиняется, сближая прошлое и настоящее, так как юноша вспоминает не только свое недавнее прошлое — он способен вспоминать и «свои прежние, незапамятные существования» (VI, 37). Весь роман — это чередование подобных воспоминаний-узнаваний. И.А. Бунину крайне важно подчеркнуть мотив познания мира как воспоминания-узнавания. Слова «помню», «вспоминаю» — тот неизменный рефрен, который то и дело повторяется в бунинском повествовании³⁹. «Помню», «вспоминаю» — такое же акцентирующее слово, но оно возникает не в отдельном фрагменте текста, а проходит через весь роман. Обращенность к прошлому, не только давнему и недавнему, но также и к «существованиям в веках», осложняется, дополняется и как бы уравнивается постижением Арсеньевым «новизны» мира. Радость новизны и погружение в воспоминание не составляют у Бунина контрастной пары потому, что воспоминание — то же узнавание, оно тоже содержит в себе новость. А когда одни и те же эпизоды описываются повторно, когда память воспроизводит уже бывшее и рассказанное, новостью становится само духовное событие воспоминания.

Воспоминание у И.А. Бунина — такое же становление, как жизнь человека или жизнь природы. В романе-воспоминании картины природы это в не меньшей степени автобиографические свидетельства, поскольку здесь переданы те обостренные ощущения, которые воспринимает автобиографический герой и которые его память хранит так же, как хранит она событийный пласт жизни. Постоянно подчеркивая новизну чувственных впечатлений от природы, И.А. Бунин в то же время описывает их как узнавание-воспоминание.

Еще одна отличительная особенность бунинских пейзажей — присутствие в них оксюморонов. Их органичность позволяет сочетать обычно несочетаемые, статику и динамику, единство которых многое определяет в природе бунинского воспоминания. Способность мира и души быть одновременно в состоянии чрезвычайно интенсивного движения и неизменной, никуда и никогда не исчезающей неподвижности позволяет памяти, не утрачивая состояния пребывания, находиться в постоянной действенной активности. Из связки, соединения статики и динамики в описании природы и одновре-

³⁹ Б. Аверин, указ. раб., с. 193.

менно — состояния души возникает одно из наиболее выразительных в романе описаний творческой работы памяти.

Память восстанавливает фрагмент улетевшей жизни вместе с тем воспоминанием, которое возникало в тот далекий момент. Герой движется от воспоминания к воспоминанию, возникает воспоминание воспоминания:

вот такая же ночь и такой же путь в Васильевское, только это моя первая зима в Батурине, и я еще чист, невинен, радостен — радостью первых дней юности, первыми поэтическими упоениями в мире этих старинных томиков, привозимых из Васильевского, их стансов, посланий, элегий, баллад: Скачут. Пусто все вокруг, Степь в очах Светланы... (VI, 210).

Поэтический текст, возникающий в памяти, соединяет два разъединенных момента жизни и увлекает память еще дальше — за пределы личной биографии, к чему-то, происходившему за чертой рождения:

«Где все это теперь? — думаю я, не теряя, однако, ни на минуту своего главного состояния, — оцепенелого, ждущего. Скачут, пусто все вокруг», — говорю я себе в лад этой скачке (в ритм движения, всегда имевшего такую ворожащую силу надо мной) и чувствую в себе кого-то лихого, старинного, куда-то скачущего в кивере и медвежьей шубе... (VI, 210).

Творчество И.А. Бунина имеет лишь поверхностное сходство с жанровыми традициями русской автобиографической прозы. Его совершенно не интересуют общие законы становления личности. Он целиком поглощен уникальным, частным содержанием подлежащей пересказу жизни. Писатель последовательно уклоняется от прямых аналитических суждений.

У И.А. Бунина на место линейной сюжетной динамики выдвигаются ассоциативные механизмы памяти. Единичные интимные воспоминания подчас вбирают в свою орбиту прозрения о природном космосе, стихиях исторической жизни.

Центральной в романе И.А. Бунина становится художественная категория памяти, предопределяющая ассоциативность повествовательной структуры, синтезированный характер хронотопа, основанного на взаимопроникновении далеких пространственно-временных пластов, когда на суждения юного героя органично «накладываются» взгляды зрелого повествователя. Проникновенно звучащее «а вот еще помню», с которого в романе зачастую начинается новый повествовательный фрагмент, обуславливает лейтмотивную композицию, «технику» монтажных переходов, циклически передающую «развитие и повторение тайных тем в явной судьбе».

Память становится для Арсеньева духовным испытанием, образуя область пересечения антиномичных граней мироощущения, *начал и концов* пути, пройденного как героем, так и всей Россией.

Kategoria pamięci w *Życiu Arseniewa* Iwana Bunina

Streszczenie

Transpozycja filozoficznego pojęcia pamięci na materiał literacki w postaci powieści Iwana Bunina *Życie Arseniewa* stanowi główny temat niniejszego szkicu. Wyodrębniając kategorię pamięci lirycznej podającej wydarzenia autobiograficzne i historyczne przez pryzmat emocji narratora, przyjrano się specyfice deskrypcji. Utożsamia się ona z analizą zjawiska oraz zawierającą różne poziomy chronologiczne narracją stanowiącą swoistą kontaminację owych poziomów i wpływającą na zmianę perspektywy odbioru.

Pod względem badań antropologicznych, wprowadzając utożsamienie pamięci i wspomnienia, można dojść do wniosku, iż pamięć liryczna konstituuje postać narratora przez eksponowanie procesu stawania się osoby, a także jego aktywności duchowej. Jednocześnie pisarz rozpatruje zagadnienie pamięci-poznania determinującej fabułę i poszczególne sekwencje powieści oraz estetycznego aspektu poruszanego problemu, co z jednej strony wprowadza idealizację przeszłości, a z drugiej — wyznacza granice indywidualnej egzystencji korelującej z historią

Słowa kluczowe: Bunin, autobiografia, pamięć.

Category of memory in *The Life of Arsenyev* by Ivan Bunin

Summary

The main subject of this paper is transposition of the philosophical concept of memory on literary material in the form of the novel *The Life of Arsenyev* by Ivan Bunin. By extracting the category of lyrical memory, the autobiographical and historical events are examined through the prism of narrator's emotion and the specificities of descriptions, which are identified with the analysis of the phenomenon, containing different levels of chronological narrative, and affecting the change of perspective reception.

In terms of anthropological research, the identification of memory and memories it can be concluded that memory constitutes a form of lyrical narration by exposing the process of becoming a person as well as one's spiritual activity. At the same time, the writer not only examines the issue of memory-knowledge that determines the individual story, the novel sequences and the aesthetic aspect of the problem, but also introduces an idealization of the past, hence setting the boundaries of individual existence that correlate with the history.

Keywords: Bunin, autobiography, memory.